

где
начиналась

са

Лиана Кондакчян

Там, где начиналась я

«Автор»

2026

Кондакчян Л. Э.

Там, где начиналась я / Л. Э. Кондакчян — «Автор», 2026

У каждого в жизни есть свои правила! Эта книга — о том, как научиться жить по своим правилам. И о том, как они меняются с уроками жизни. Сначала нам говорили: терпи. Тяни. Молчи. Семья — навсегда. Потом жизнь показала: навсегда не у всех. И терпеть — не всегда сила. Иногда это страх. Шаг за шагом у каждого появляются свои правила. Мои — такие. Не застревать в плохом. Не бояться неизвестности. Помнить, что счастье бывает маленьким. Не торопиться. Оставлять дверь приоткрытой. Просить помощи. Быть любимой, а не удобной. Позади — любовь и предательство, замужество и развод, потеря мамы, одиночество. И новое начало с нуля. Я не знаю, как стать счастливой. Я честно говорю: учусь. До сих пор. Эта книга — для тех, кто ищет. Кто устал ждать, терпеть и быть удобной. Для девочек в начале пути. Для женщин, прошедших через многое. Для всех, кто хочет жить по своим правилам. Жизнь — это не то, что с нами случилось. Это то, как мы учились с этим жить.

© Кондакчян Л. Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	20
Глава 9	23

Лиана Кондакчян

Там, где начиналась я

Глава 1

Глава 1. Как всё начиналось

Очередной тяжёлый будний день закончился. Я пришла с работы, сняла туфли, бросила сумку на пол и легла на диван. Тело гудело, голова была пустой, как выключенный экран. В такие минуты не хочется ни говорить, ни смотреть, ни думать. Просто лежать. И тогда память сама, без спроса, открывает дверь в прошлое.

Я закрыла глаза — и увидела себя маленькой.

Я выросла в степи. Ветер, жара, полынь, бесконечное небо. Но ярче всего — не степь. Ярче всего — бабушка.

Она нас воспитывала. Пока мы жили с ней, она делилась с нами всем, что знала. И пыталась нас этому научить. Она умела то, что сейчас редко встретишь: сплотить, организовать, увлечь. Мы ставили спектакли — прямо во дворе. Приглашали соседей. И они приходили. Смотрели. Хлопали. А мы стояли, маленькие, гордые, и чувствовали, что что-то можем. Что мы — вместе.

Бабушка была сильная. Очень. Но в отношениях с мужчинами — категоричная и неизменная. Своего мужа она выгнала. И не простила. И дочери не разрешила с ним общаться. Точка. Без объяснений. Без права на второй шанс. Я тогда не понимала: это сила или это боль? Теперь думаю: и то, и другое. Она просто не умела иначе. Не научил никто.

А мама — другая. Мама старалась сохранить семью. Всё для детей. Жила нами и ради нас. В ней было столько тепла и терпения, что иногда мне казалось: она всё выдержит. Всё.

Я выросла между этими двумя. Между «выгнать и не простить» и «терпеть и спасать». И, наверное, во мне до сих пор живут обе.

Как и все, я была уверена, что поступлю. Но не готовилась — на это нужно было время, а мне хотелось гулять. Юность вообще не думает о завтрашнем дне. Она просто живёт.

Я подавала документы на экономику. Первый вступительный экзамен — и я его провалила. Вот так, сразу. Не сдала. Точка.

Но я не расстроилась. Правда. Я вообще по жизни ищу плюсы во всём, что происходит. Даже когда всё идёт не по плану. Особенно когда не по плану. Это первый мой урок, который я вынесла ещё тогда: не застревать в плохом. Не сидеть на пепелище. Не перебирать старые обиды. Просто идти дальше.

Я посоветовалась с родителями, и мы решили: педагогический колледж. Бабушка была заведующей детским садом. И, видимо, какая-то часть меня всегда хотела иметь дело с детьми. В детстве я часто играла в учителя — рассаживала кукол и всерьёз объясняла им, как надо жить. Они слушали. Они всегда слушали.

В колледж я поступала по собеседованию. Меня спросили: почему я так кардинально меняю направление? Я сказала, что просто обиделась на экономику и решила изменить свой путь. Я отшутилась. Но это была правда. Иногда надо просто обидеться — и пойти в другую сторону. Это второй урок: не бояться неизвестности. Не ждать, пока всё станет ясно. Просто сделать шаг — и посмотреть, что будет.

Первое понимание, что эта профессия останется со мной навсегда, пришло на практике. В детском саду.

Нас определили в среднюю группу — дети трёх-четырёх лет. Я помню, как вошла в ту группу. Пахло кашей, компотом и чем-то тёплым, домашним, детским. На стенах — рисунки.

На полках — игрушки. А в глазах у этих малышей было столько всего сразу: любопытство, настороженность, надежда.

Они были как чистые листочки, которые тянулись к знаниям. Тянулись к каждому, кто входил. И к нам тоже. Мы укладывали их спать, помогали одеваться. Это был самый тесный контакт, какой только бывает. Я видела, как они засыпают — кто-то сразу, кто-то ворочается и смотрит на тебя из-под одеяла, проверяя, не ушла ли ты. Как они путают правый и левый ботинок, но всё равно гордятся собой. Как бегут навстречу, хватают за руку, что-то рассказывают, показывают рисунки, делятся тайнами.

И я почувствовала: вот оно. Маленькое счастье. Когда ты понимаешь, что ты нужен. Нужен маленькому человеку, которому можешь дать знания, любовь, рассказать то, что умеешь, и показать то, что пригодится в жизни. Которому можешь стать чуть-чуть светлее в этом большом и не всегда добром мире. Это третий урок: счастье бывает маленьким. И оно — в том, чтобы быть нужной.

После практики я была уверена: я выбрала именно тот путь. Не самый громкий. Не самый престижный. Но мой.

А теперь я сижу и думаю: а ведь я всю жизнь учусь. И не только профессии. Я учусь жить.

Я смотрю на мужчин и женщин вокруг — тех, кто вырос в одно время со мной. Время, когда нам говорили одно, а жизнь показывала другое. Нас учили терпеть. Нас учили тянуть. Нас учили, что семья — это навсегда, что бы ни случилось. А потом оказалось, что навсегда — не у всех. И что терпеть — не всегда сила. Иногда это просто страх.

Мы меняемся. Медленно, трудно, с надрывом. Женщины стали сильнее — но часто эта сила не от хорошей жизни, а от того, что больше не на кого опереться. Мужчины растерялись — их учили быть добытчиками, а теперь от них хотят ещё и чувств, и слов, и нежности. А их не научили. Их мамы любили молча. Их отцы не говорили о любви. И они не знают, как.

Я не знаю, что нужно, чтобы стать счастливым. Честно. Я этому учусь. Но пока достижений нет. Я только начинаю понимать: наверное, счастье — это когда тебя видят. Когда не надо быть удобной. Когда можно быть настоящей — и тебя всё равно любят. Когда рядом человек, который готов действовать, а не только говорить.

Может, я ошибаюсь. Может, всё не так. Но я учусь. Каждый день. С дочкой. С работой. С собой.

Глава 2

Глава 4. Песня

Мы учились в педколледже уже третий год. У меня была подруга — весёлая, активная, лёгкая по жизни. Она многому меня учила, взяла под своё крыло и опеку. Я была девочкой немножко наивной, а она — как вихрь. С ней было не страшно.

Однажды мы сидели с ней на празднике — кажется, посвящённом студентам. Я уже не помню точно, какому событию, но помню другое.

На сцену вышел парень. Он пел. Пел очень искренне, прочувствованно, будто не на публику, а для кого-то одного. Я не помню, как называлась та песня. Но она запала в душу. И он — тоже.

Мы с ней переглянулись. Она шепнула что-то вроде: «Волнуется». Я кивнула. Мы вообще любили вот так — сидеть и потихоньку оценивать, прикалываться, обсуждать, кто как выступил. Но тут я прикусила язык. Потому что он волновался — да. Но пел хорошо. По-настоящему.

Он допел. Зал захлопал. Кто-то крикнул «молодец». Я сидела и не могла пошевелиться. Подруга толкнула меня в бок: «Ты чего? Понравилось?» Я кивнула.

Он ушёл за кулисы. И всё. Он не подошёл. Я тоже не подошла. Мы даже не встретились глазами. Я просто увидела его. И запомнила.

Я не думала о нём каждый день. Не искала его в коридорах. Жизнь шла дальше — занятия, практика, девчонки, планы. Но та песня осталась. Где-то на дне. Как заноза, которая не болит, но которую чувствуешь, когда проведёшь рукой.

И вот сейчас, спустя столько лет, я сижу на диване в своей квартире — и слышу её снова. — Мама? Ты чего задумалась?

Я вздрогнула. Доченька стояла в дверях. Моя младшая. Ей десять лет. Она смотрела на меня внимательно, чуть тревожно.

— Ничего, родная. Просто задумалась. Иди купайся, а потом ляжем спать.

Она убежала. Я слышала, как шумит вода, как она что-то напевает. Я улыбнулась. Мы живём вдвоём с дочей. Нам уютно и хорошо вместе. Бывает по-разному, но вечером, когда она рядом, я понимаю: всё не зря.

Но иногда накатывает. Воспоминания. Я думаю, как я всё это прошла. Что сделало меня сильной. Я научилась держать спину, решать, не жаловаться. Я многое могу.

А внутри всё равно осталась маленькая девочка. Которая иногда очень хочет, чтобы её просто обняли. Погладили по голове. Сказали: «Всё хорошо, я рядом». Я никому в этом не признаюсь. Но она есть.

Я встала с кресла. Прошла на кухню, убрала со стола. Завтра снова уроки. Снова дети. Снова надо быть сильной.

Из ванной вышла дочка, закутанная в полотенце. Я обняла её, мокрую, тёплую. Она прижалась на секунду и убежала в комнату.

— Я быстро! Ты придёшь почитать?

— Приду.

Она легла. Я села рядом, открыла книгу. Читала на автомате. Дочка уже спала. Я поправила одеяло, поцеловала её в макушку и вышла, прикрыв дверь.

На кухне я налила себе чай. Села у окна. За окном шёл дождь. Я смотрела на капли и думала: да, эту песню я помнила долго. Она жила во мне годами. И он — тоже. Но вот уже второй год у меня другая жизнь. Новая. Без той песни. Без того мальчика.

Он сделал меня сильной. Но я больше не живу воспоминаниями. Ни о нём, ни о той яркой, незабываемой любви. Просто живу. Каждый день. С дочкой. С работой. С собой.

Я допила чай, выключила свет и пошла спать.

Глава 3

Глава 5. Не торопись

Рабочий день закончился. Я не ухожу сразу — есть у меня привычка: остаться, сесть в кресло и просто посидеть. В кабинете тихо. Свет не включаю. За окном темнеет медленно, по-осеннему. В такие минуты ко мне приходят воспоминания. Сами. Без спроса.

В тот вечер я почему-то задумалась и вспомнила о нём.

Это была не первая моя любовь. Наверное, даже третий раз в жизни, когда сердце так билось — до звона в ушах. Но вспоминается он до сих пор. Ярче многих.

Мы познакомились в компании. У них было три друга. Нас познакомила подружка — она с ним встречалась, а потом они расстались, и она стала встречаться с его другом. А он... он стал приезжать к нам с подружкой. Вдвоём с другом. Мы сидели в машине, болтали обо всякой ерунде, смеялись. И как-то во время этих разговоров я стала чувствовать: он тянется ко мне. Не так, как ко всем. Иначе. Глубже.

А подружка решила: нет. Это будет её парень. Вот так просто. Она так решила — и всё.

Однажды нас позвали играть в волейбол. Мы пошли втроём. Играли, смеялись, солнце, мяч, ветер. Нам было весело. По-настоящему. А когда возвращались домой, он взял меня за руку. Просто взял — и ничего не сказал. Рука в руке. И я поняла всё без слов.

Потом он приехал ко мне. Сказал, что я ему нравлюсь. Я спросила: «А как же она?» Он ничего определённого не ответил. Вот такой у него был выбор. Он выбрал — но не сказал об этом вслух.

Мне он тоже жутко понравился. Я вообще эмоциональный человек. Если меня тянет к человеку — это как аура. Как соединение. Я ничего не могу с собой поделать. Я не умею наполовину.

Мы встречались недолго — родители были против. Но эти встречи были полны какой-то страстью. Он присылал своих друзей, чтобы они забирали меня. А потом привозили домой. Тайна, ночь, чужие дворы, шёпот — всё это было как в кино. Только это было со мной.

У меня остались очень приятные впечатления об этом человеке. Тёплые. Светлые.

А потом случилось то, что всё перечеркнуло.

У нас была попытка близости. И я отказала. Испугалась. Не была готова. Не могла.

А он... он перестал приезжать. Перестал звонить. Исчез. Как будто и не было ничего.

Я не звонила. Я никогда первая не звонила парням. Никогда. Это было моё правило, моя гордость, моя стена.

А потом был мой день рождения. И он меня не поздравил.

И вот тут я не выдержала. Я позвонила сама. Первый раз в жизни. И всё высказала. Всё, что накопилось. И попросила, чтобы он больше не появлялся в моей жизни.

Он и не появился.

А позже — я узнала. Случайно. Что он не пропадал. Что он готовил мне сюрприз на день рождения. Что работал всё это время — чтобы что-то сделать для меня. Чтобы порадовать.

Он не забыл про меня. Он готовился.

А я не знала. Я ничего не знала. И вычеркнула его — за то, чего он не делал.

Вот так бывает. Ты уверена, что тебя бросили. А оказывается, человек молчал — потому что хотел удивить. И пока он молчал, ты успела поставить точку.

Я не знаю, что было бы, если бы я подождала. Если бы позвонила не в день рождения, а раньше. Если бы спросила, а не высказала. Может, всё сложилось бы иначе.

Но я не спросила. Я высказала. И закрыла дверь.

Так я и научилась быть категоричной. Быстро, без сожалений, без права на второй шанс. Тогда мне казалось, что это сила.

А сейчас я думаю: может, это была не сила. Может, это был страх. Страх, что если я подожду, если спрошу, если поверю — меня снова обманут. И я решила обмануть первой.

Я вычеркнула его из жизни. Взяла — и вычеркнула. Без слёз, без выяснений. Тогда я так умела. Тогда я ставила себя на первое место.

А потом я вышла замуж.

Замуж — это отдельная история. Про то, как я разучилась ставить себя на первое место. Про то, как я научилась довольствоваться малым. Про то, как я перестала просить. Но об этом — позже.

А сейчас я открыла глаза. В кабинете было совсем темно. Пора домой. Пора к дочке.

Но я не встала. Ещё минуту посидела. Потому что поняла: я вспомнила его не случайно.

Сейчас — похоже. Я снова сказала мужчине: «Я не хочу быть удобной. Хочу быть любимой». Но веду себя иначе.

Тогда я позвонила. Высказала. И вычеркнула.

А сейчас — не звоню. Не выясняю. Не ставлю точку. Просто живу. И оставляю дверь приоткрытой.

Потому что я уже проходила это. Уже вычеркивала. Уже ставила точку. И потом узнавала, что человек готовил сюрприз. Что он работал. Что он не забыл.

Я больше не хочу узнать такое — и понять, что поторопилась.

И я надеюсь. Тихо, про себя. На другой исход. На то, что в этот раз дверь откроется — и кто-то войдёт.

Я встала. Надела пальто. Вышла на улицу. Было свежо. Город горел огнями. Я шла домой — к дочке, к чаю, к своей жизни.

А дверь — она приоткрыта.

Если он войдёт — я буду рада. Если нет — я не буду плакать. Я уже знаю: я справлюсь. Я справлялась и не с таким.

Глава 4

Глава 6. Мягкость — это не слабость

Недавно мне дали класс.

Я стояла в Москве, в общежитии, разбирала вещи средней дочки. Помогала ей устроиться. Вокруг шумели студенты, кто-то таскал коробки, кто-то смеялся в коридоре. И тут зазвонил телефон. Директор.

Поздравила — в этом году мне дали высшую категорию. А потом: «Раз такой статус — бери класс».

Я не планировала. Были мысли — может, взять тот, куда пойдёт младшая. Но директор сказала: нет, бери другой. И я согласилась.

Почему? Не потому что надо. Не потому что кто-то попросил. А потому что стало любопытно. Я не боюсь сложностей. Мне их иногда даже не хватает. Когда всё идёт гладко и легко — скучно. Мне нужно, чтобы что-то заставляло расти. Чтобы сердце билось быстрее. Чтобы было интересно.

Вот такая я. Мне не нужен покой. Мне нужно движение.

Мы работаем с этим классом месяц. Дети очень активные. Сложно. Но сердце моё — с детьми. Я не отказалась. Взяла на себя большую ответственность. И знаешь что? Мне интересно. Правда интересно.

Я никогда не отказываюсь. От того, что ново. От того, что трудно. От того, что заставляет расти.

Но есть во мне и другое. То, что я долго не могла понять. То, что проявилось позже — когда я стала взрослой, когда вышла замуж, когда всё пошло не так.

Я не умею играть. В любви — не умею. Не могу делать вид, что занята, чтобы мужчина заинтересовался. Не могу тянуть, держать на расстоянии, строить роли. Пробовала. Противно. Мне кажется, что любовь — это не шахматы. Что если человек тебе нравится — надо сказать. Если любишь — любить по-настоящему. Без полутонов. Без масок.

Иногда за это используют. Я знаю. Я вижу. Но по-другому не могу.

Я мягкая только там, где мне хочется быть мягкой. Где я выбираю. А всё остальное — это не мягкость. Это моя честность. И её я не променяю ни на что.

Когда взрослые дочки выросли и уехали учиться в Москву, я осталась с младшей дочерью одна. И я учусь жить эту жизнь для себя. Медленно. Тихо. Без оглядки.

Иногда получается. Иногда нет. Но я иду. Каждый день. С дочкой. С работой. С собой.

Глава 5

Глава 7. Вор или прокурор

Обычно на работу хожу пешком. Люблю это время — утро, тишина, шаги по тротуару. Город ещё не проснулся, воздух свежий, и можно думать. Но сегодня доченька идёт к третьему уроку, поэтому едем вместе. Она сидит рядом, смотрит в окно, что-то напевает себе под нос. Смотрю на неё — и вспоминаю, как всё-таки начиналась моя взрослая, серьёзная жизнь.

Она начиналась с выбора.

Но чтобы понять этот выбор, надо вернуться. Далеко. В то лето.

Родители отправили меня к бабушке, в Абхазию. Не просто так — хотели отвлечь от одного мальчика. Страстного, горячего, такого, что земля горела под ногами. Он был в моей жизни всего две недели. Но за эти две недели он мог бы научить меня всему взрослому, чего я ещё не познала в десятом классе. Родители это поняли раньше. И отправили подальше — к бабушке, к морю, к тишине.

А возраст брал своё. И там я встретила ЕГО.

Это было всё сразу. Бабочки в животе. Искры в глазах. Земля из-под ног. Мы дружили, ходили за ручку, гуляли до темноты. Однажды поехали с семьёй тёти на речку. Там, среди зелени, стояла разрушенная церквушка — старая, забытая, с обвалившимися стенами и небом вместо купола. И мы дали в ней клятву. Свидетелем была моя двоюродная сестра. Мы стояли среди этих стен, держались за руки и клялись. В чём — уже не помню. Но помню, что это было всерьёз. По-настоящему. Как будто небо слушало.

Потом я уехала домой. И писала ему письма. Целый год. Настоящие письма, на бумаге, в конвертах. Ждала ответа, ждала его. А потом узнала, что у него своя жизнь. Это, в принципе, понятно. Но у меня есть такая привычка: я привыкаю к романтике, к чувствам, к человеку. И мне тяжело отпустить.

Через два года мы встретились снова. На свадьбе у моей подруги. Я была свидетельницей — «дружкой». Белое платье, причёска, вся такая красивая, как будто невеста. А он — весь при параде, в костюме, с этой своей улыбкой. Этой встречи я ждала два года. Два года.

Он пригласил меня на танец. Мы стояли в объятиях друг друга, звучала медленная песня. Только взглянули в глаза — и я опять поплыла. Всё вернулось. Всё, что так долго пыталась забыть. Всё, что, казалось, уже не со мной.

И вдруг отключился свет. По всей улице. Мы остались стоять в темноте, посреди зала, под ту же музыку. Никто не двигался. И кто-то сказал — может, я сама: даже Вселенная против нашего союза.

Против были все. Родители. Обстоятельства. Расстояния. Годы. Даже свет.

Я ехала домой в автобусе. Смотрела в окно на поля, на дома, на людей. И думала. Вор или прокурор.

Вор или прокурор. Так я их называла про себя.

Тот, яркий, кавказский красавец — с ним было всё сразу: бабочки, искры, клятва в разрушенной церквушке, танец в темноте. Он умел брать от жизни всё. Не спрашивая. Не оглядываясь. Как будто весь мир — его. Вот кто он был. Вор. Потому что брал — и не просил разрешения.

А второй — тот, кто ждал. Спокойный. Целеустремлённый. Будущий юрист. Уже тогда было ясно: он будет прокурором. Он не брал. Он шёл. Ровно, уверенно, по правилам. С ним было не ярко — с ним было надёжно.

Вот между ними и предстояло выбирать. Всю дорогу, пока автобус вёз домой.

А с будущим мужем я познакомилась так.

Тогда болела. Фурункулы в подмышках — больно, неудобно, стыдно. Сидела дома после очередного приезда от бабушки. В окно смотрела, скучала. И тут прибежали подружки. Уговаривать родителей отпустить на дискотеку.

Отпустили.

Вечер получился очень весёлый. Танцевали, смеялись. На секунду забыла и про фурункулы, и про мазь, и про всё на свете. Было легко и хорошо. По-настоящему.

А когда возвращались домой, встретили знакомого старшеклассника. Он сидел на лавочке с компанией — играли на гитаре. И они пошли с нами. Проводить до дома.

И вот стоим, болтаем. А от меня пахнет мазью Вишневского. Этой резкой, аптечной, ни с чем не спутаешь. Про этот запах знала, чувствовала сама и ужасно смущалась. Думала: лишь бы никто не заметил. Лишь бы никто не сказал ничего.

Он подошёл. Наклонился. И понюхал.

И сказал: «От тебя классно пахнет».

Вот так. Вот так произошло наше знакомство.

Потом он лёг в больницу. Я приходила навещать. Сидела рядом, держала за руку, что-то рассказывала. И там, в больничной палате, посреди казённых стен и запаха лекарств, он первый раз обнял за талию. Просто обнял. Притянул к себе.

И тут почувствовалось такое притяжение. Такое тепло. Как будто накрыло. Как будто дома.

Тогда ещё было невдомёк, что это начало. Двадцати двух лет. Целой жизни.

После больницы он стал приходить. Просто приходить — без повода, без приглашения.

И всегда с гитарой.

Он садился напротив, брал аккорд — и пел. Пел мне. Тихо, негромко, глядя в глаза. А потом читал стихи. Свои стихи — он их сам писал. А иногда брал гитару и пел «Сектор Газа». Совсем другая музыка, другие слова, другой мир. Но в его исполнении это было так же искренне. Как будто он говорил со мной на разных языках — и все они были его.

Я слушала и боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть это. Как будто если шевельнусь — всё исчезнет.

Он покорила меня романтикой. Я не устояла. Да и как было устоять? Меня, девчонку, которая привыкла к чувствам, к бабочкам, к клятвам в разрушенной церквушке, — меня взяли и окружили тем самым, от чего я всегда таяла.

Он был спокойный, надёжный, не такой, как все, кого я знала до него. С ним не надо было играть. С ним не надо было быть яркой. Можно было просто быть.

Так прошло два месяца.

И вот однажды, сама не зная почему, я вдруг спросила: «Мы что, встречаемся?» А он посмотрел и ответил: «Да».

Вот и всё. Так мы стали парой.

А потом я поняла.

Он учился в том же педколледже. Только на другом курсе. И однажды, между делом, я спросила:

— Ты выступал год назад на концерте? С песней?

Он посмотрел на меня. Удивился. И сказал:

— Выступал.

Я замолчала. Внутри что-то щёлкнуло. Как будто пазл, который лежал врозь, вдруг сложился. Тот вечер. Сцена. Свет. Зал. Парень, который пел так, будто не на публику, а для кого-то одного. Я не помнила его лица. Не помнила названия песни. Помнила только чувство.

Это был он.

Я ничего ему тогда не сказала. Не призналась, что помню. Не сказала, что та песня запала мне в душу. Не сказала, что я сидела в зале и не могла пошевелиться. Просто промолчала.

Не знаю почему. Может, боялась. Может, хотела оставить это себе. А может, понимала: если скажу — он поймёт, что я его запомнила. А это уже было про что-то большее, чем просто знакомство.

Так странно всё сложилось. Сначала песня. Потом лавочка. Потом гитара. Потом стихи. Как будто судьба вела меня за руку — от одного вечера к другому. Только тогда я этого ещё не понимала.

А потом был год. Целый год ежедневных встреч. Виделись каждый день. Гуляли, говорили, молчали, держались за руки. Он обнимал — и чувствовалась безопасность. Как за каменной стеной.

А после — Академия права. Саратов.

И мы разъехались.

Помню, как провожала его. Вокзал, пыль, железо. Смотрела на него и говорила: буду ждать. И это была не просто фраза. Это была клятва. А я умела ждать. И умела держать свою клятву. Ещё с той разрушенной церквушки.

Он уехал. А я осталась.

И ждала.

Ни на кого не смотрела. Вообще. После нашей встречи существовал только он. Училась. Работала. Жила. Но всё это было как будто не совсем по-настоящему. Настоящее было там, в Саратове. Или в письмах. Или в редких звонках. Или в те дни, когда он приезжал.

Через год учёбы он приехал. И спросил: поеду ли с ним на море? Его родители решили оплатить отдых. Но мои родители не пустили.

А вскоре родители решили меня засватать.

Так это и было. Никакого предложения. Никаких слов. Никакого кольца. Просто — решили. И всё.

Потом я поехала к нему в Саратов. Провели там замечательную неделю. Просто гуляли, были вместе, дышали одним воздухом. Вернулась домой — и стала невестой.

Год в невестах.

Через год мы поженились.

Я уехала в Саратов. Стали жить у его бабушки — не в самом городе, а в пригороде. У неё был дом. И чтобы добраться до работы, надо было выходить за два часа.

Маршрутки там не ездили. Ни одной. Шла до остановки пешком, а потом ехала автостопом. И был участок — через кладбище. Каждое утро, в четыре часа, по темноте, через кладбище. Одна. Мимо могил, мимо оград, мимо тишины, которая звенит в ушах.

Было страшно. Очень. Шла и считала шаги, чтобы не думать. Смотрела только вперёд. Не оглядывалась. Знала: если оглянусь — побегу. А бежать нельзя. Надо идти.

Шла. Каждое утро. И думала: ничего, привыкну. Главное — он рядом. Главное — мы вместе. Всё остальное — переживём.

Через два месяца узнала, что беременна.

А через четыре — он отправил меня в Элисту. К родителям. Потому что было страшно.

Страшно было не за себя. За дочку. Всё время мёрзла — там, в пригороде, в чужом доме, в долгой дороге. Мёрзла так, что никакой плед не спасал. И снились сны. Страшные. Такие, от которых просыпаешься в холодном поту и не можешь понять, где ты. Лежала в темноте, слушала, как дышит он рядом, и думала: а вдруг что-то случится? Вдруг не справлюсь? Вдруг с малышкой что-то будет?

Испугалась. Честно. Испугалась трудностей. И уехала.

И сейчас об этом жалею.

Часто думаю: а если бы осталась? Если бы не побоялась? Если бы сняли квартиру — пусть маленькую, пусть холодную, пусть с плохими обоями — но свою. И жили бы втроём. Он, я и дочка. Учились бы быть семьёй. По-настоящему. Без бабушек, без родителей, без чужих стен.

Может, тогда он стал бы взрослее. Может, тогда взял бы на себя ответственность. Может, тогда всё пошло бы по-другому.

Но я уехала. Выбрала безопасность. Выбрала родителей, дом, тепло. Выбрала не трудности.

Не знаю, правильно ли поступила. Тогда казалось, что правильно. Тогда думала: спасаю дочку. Спасаю себя. А может, просто струсила.

Это самое большое «если бы». Если бы осталась там. Если бы позволила ему стать мужем и отцом. Если бы не испугалась.

Но что было — то было. Прошное не перепишешь. Можно только рассказать, как оно было. И надеяться, что кто-то, прочитав это, не повторит моей ошибки.

Глава 6

Глава 8. Мои главные три сердца

Четыре месяца беременности — это были дни счастья и непонятности одновременно.

Муж был далеко. Я жила у свекрови — в чужом доме, с чужими правилами, с чужим укладом. Родители вроде и рядом, но к ним тоже надо было приходить. А это не то же самое, что быть дома. Дома — это когда можно выдохнуть. А здесь я не выдыхала. Привыкала. Тихо. Молча. Как умела.

Больше всего мне не нравилось соседство старшего брата мужа. Нахальный, избалованный молодой человек. Вроде и добр ко мне с одной стороны — но его слабости перечёркивали всё это. Я не жаловалась. Просто ждала. Ждала, когда всё это закончится и начнётся что-то другое.

Так прошли девять месяцев. Долгих. Тягучих. Как медленный зимний вечер, когда кажется, что свет никогда не вернётся.

А потом меня положили на сохранение. И когда начались роды — что-то пошло не так.

Это вспоминается тревогой, непонятностью и болью. Я боялась больше за ребёнка, чем за себя. Что происходит — не понимала. Сутки я была в родах. Сутки — это вечность, растянутая в четыре стены, в один свет, в одну мысль: лишь бы она жила. А затем родовая деятельность пропала. Всё замерло — и во мне, и вокруг. Меня осматривали врачи, что-то говорили, но слова до меня не доходили. Они были где-то далеко, за толстым стеклом. А следом пришло очень много практикантов. Молодые, чужие, они окружили меня, и я перестала чувствовать себя человеком — стала учебным пособием, телом на столе. Они пытались поставить ребёнка в родовые пути — но ничего не получалось. Тело не слушалось. Я — не слушалась. И тогда я потеряла сознание.

Помню смутно, как сквозь сон, как сквозь воду: крики. «Разрыв матки! Освобождайте операционную!» Слова падали откуда-то сверху, из другого мира — мира, где всё было быстро и страшно.

Очнулась в комнате с белыми стенами. Белыми — до рези в глазах, до звона в ушах. Первая мысль — я на том свете.

Но оказалось — я родила. Мне позвонила свекровь и сказала: у тебя доченька. Настенька.

Так появилось моё первое счастье.

Больница. Тяжёлые дни. Помню их очень смутно — потому что я привыкала быть матерью. А это не то, чему учат. Это то, что приходит само. Я отдавала всё тепло, всё внимание ребёнку. Себе — ничего. Себе было некогда.

Но те чувства, когда видишь своё дитя — маленькое, которое смотрит на тебя с таким воодушевлением и любовью. Которое верит в тебя. Надеется. Знает, что ты сделаешь всё, только чтобы она была счастлива. Это не передать словами. Правда. Не передать.

Я очень гордилась тем, что у меня появилось чудо. И мне хотелось поделиться этой гордостью с мужем.

Помню первые носочки, которые доченька обкакала. Я отправила их домой — стирать. И сказала: обязательно ты должен это сделать сам. Мне хотелось, чтобы он хоть как-то проявил себя. Хоть как-то помог. Даже вот в стирке этих носочков.

Первые роды — это впечатление на всю жизнь. Потому что они были очень запоминающимися.

А потом... Потом всё, что было связано с ней, вызывало слёзы и гордость. Первые шаги. Детский сад. Окончание детского сада. Школа. Окончание школы. Поступление. Всё. Каждый раз — слёзы. И гордость.

Старшая дочь — она по природе отличница. Всегда справлялась сама. Всё сама. Даже сейчас — сама. Она очень стойкий оловянный солдатик. Это моя гордость. И я очень её люблю.

Вторая дочка появилась как-то неожиданно.

У меня забеременела сестра. И свекровь сказала: пора родить второго ребёнка. Даю вам на это время — до конца года.

Так у нас и получилось. Моя вторая девочка родилась за пятнадцать дней до Нового года.

Разница между старшей и средней — четыре с половиной года. Беременность протекала легко. Но у меня уже были рубцы на матке — после первых родов. Поэтому я ходила очень нежно и аккуратно. Чтобы выносить. Чтобы сохранить.

Всё равно на восьмом месяце легла на сохранение. И врачи решили: нужно рожать. Была гипоксия — плод плохо двигался.

Родила я свою вторую доченьку восьмимесячной. Была зима. Она родилась очень маленькая. Жёлтенькая. Маленький комочек, который смотрел на меня таким взглядом — молящим и просящим. Чтобы я её никогда не оставляла.

А нас отправили в патологию. Поставили желтушку. Мне говорили, что ребёнок не выживет с таким показателем крови.

С ней я ревела почти каждый день. Боялась потерять моё счастье. Счастье, которое не передать словами. Эти маленькие глазки. Этот жёлтенький комочек.

Но мы справились. В три месяца победили желтушку. И она у меня была самая здоровая.

Летели годы. Девочки росли талантливыми. Посещали много кружков и секций. Пели, плясали, рисовали. Всё им было интересно. Всё хотелось попробовать. И я смотрела на них — и не могла нарадоваться. Это мои звёздочки. Два сердца.

Третья доченька появилась после огромной ссоры с моим мужем.

Это было расставание. Я от него уходила. И была намерена бросить его окончательно. Но он пришёл. Просил прощения. И просил, и просил. И я ему поверила.

Да, это было зря.

Но тот год, который он мне подарил, — год счастья — принёс нам малыша. Третью доченьку.

Разница между средней и младшей — восемь лет. Это счастье, которое очень тесно связано с отцом. С мужем моим бывшим. Она его очень любит. И я несколько раз говорила ему: все твои грехи и всё, что ты делаешь, — ребёнок чувствует. Но даже ради неё он не исправлялся.

Но об этом позже.

Третья доченька появилась замечательная. Здоровенькая. Выносила её все сорок недель. Родила.

Но с ней были другие приключения.

В три месяца она заболела коклюшем. Я теряла ребёнка на руках два раза. Просто откачивала — потому что она переставала дышать. Это были месяцы очень тяжёлые. Даже сейчас, вспоминая их, у меня текут слёзы. Я каждый день боялась потерять свою малышку.

Мы боролись. Целый месяц. Пока я доказала врачам, что у ребёнка коклюш и лечить его надо именно так, как лечат коклюш.

Я очень благодарна ставропольским врачам, которые по телефону дали мне правильное лечение. И я в городовиковской больнице, где мы лежали с ребёнком, умолила педиатра сделать так, как сказали ставропольские. Она пошла мне навстречу. И мы спасли моего ребёнка.

Уже через две недели мы выписались с улучшениями.

Это был тяжёлый год. При каждом повышении температуры я начинала паниковать. Я боялась потерять своего ребёнка. У неё почти каждые два месяца была ангина. Гнойная. С температурой сорок.

Я не спала ночами. Сидела рядом, слушала её дыхание, считала часы. Молилась. Просто держала за руку и думала: только не сейчас. Только не она.

Всё это закончилось, когда ребёнок окреп. В полтора года я отдала её в сад — и вышла на работу.

Так мы и выжили. Все трое. Мои главные три сердца.

Глава 7

Глава 9. Медовые водопады

Вчера был день, посвящённый себе.

Мы с коллегами поехали в экскурсионную поездку — в преддверии Дня учителя. Не в кабинет, не за стол, не к тетрадам. В дорогу. В горы. К водопадам.

Я согласилась не сразу. Были раздумья. Вторая работа. Дела, которые не отпускают. Тетради, уроки, домашние заботы. Всё это тянуло за рукав: останься, отдохнёшь потом. Но коллеги уговорили. И я подумала: а почему, собственно, потом? Почему жизнь всё время откладывается на потом? Вот оно, это потом. Вот оно, сейчас. И я согласилась.

Не пожалела.

Дорога была длинная. Мы ехали, болтали, смеялись. Кто-то пел, кто-то спал, кто-то рассказывал истории. Я смотрела в окно — на горы, на поля, на небо. И чувствовала, как внутри что-то отпускает. Медленно, по чуть-чуть. То, что держалось годами и что я носила с собой, как камень за пазухой.

А потом мы приехали к водопадам.

Медовые водопады — это не просто вода. Это что-то живое. Ты стоишь, смотришь на эту струю, которая падает с высоты, и понимаешь: она падает здесь тысячи лет. До тебя. И после тебя будет падать. А ты — вот она, здесь, сейчас. Маленькая, но живая.

Я стояла и слушала. Шум воды заглушал всё: мысли, тревоги, голоса. И в этой тишине я вдруг почувствовала такое спокойствие. Как будто всё, что было, осталось там. В прошлом. А я — здесь. Стою. Дышу. Живу.

От водопадов мы поехали в небольшой город. Он утопает в зелени, хотя осень уже тронула листья — где-то золотом, где-то багрянцем. Мы зашли в старый парк. С аллеями, фонтанами, тишиной. Воздух был свежий, пьяный, как вино. Я шла и вдыхала его — и не могла насытиться.

А потом был ещё один парк — рядом, в посёлке. Там сделали целую фотозону: кофешки, качели, фигуры, огни. Всё для людей. Чтобы приходили, гуляли, радовались. Мы пили кофе, фотографировались, смеялись. Как девчонки. Как будто и не было за плечами сорока с лишним лет, трёх детей, двух работ, развода, потерь.

Было здесь. Было сейчас.

Не хотелось вспоминать. Не хотелось возвращаться. Хотелось просто быть.

И я подумала: может, это и есть главное? Не прошлое, не будущее. А вот это. Миг. Вода. Горы. Коллеги, которые рядом. Кофе, который ещё тёплый в руке. Осень, которая пахнет дымом и яблоками.

Моя жизнь. Здесь и сейчас.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю одно: вчера я была счастлива. По-настоящему. Без оговорок. Без прошлого. Счастлива.

Отдых от суетности дня нужен. Не как роскошь. Как лекарство. Как воздух. Чтобы вспомнить: ты не только мама, не только учитель, не только та, которая всё тянет. Ты — человек. Живой. И ты имеешь право на радость.

Я вернулась домой уставшая. Но какой-то другой усталостью. Не тяжестью, а наполненностью. Словно внутри что-то перелилось через край — и стало легче дышать.

Вечером я села у окна. Дочка уже спала. Я пила чай и думала: а ведь я могла не поехать. Могла остаться с тетрадами, с делами, с этим вечным «потом». И не было бы этого дня. Этой радости. Этого воздуха.

Спасибо тем, кто уговорил.

Спасибо себе, что согласилась.

Глава 8

Глава 10. Мой вечер

Этот спектакль я ждала давно.

Шестое октября стояло в моём календаре. Я знала, что он будет. Думала о нём. Хотела пойти.

Но купить билет сама не могла. Онлайн не получалось. А ехать в кассу — далеко, и времени нет. Всё время что-то мешало: работа, дела, вторая работа.

И тогда я попросила билет у одного человека. У того, от кого хотелось внимания. Мне хотелось, чтобы он что-то сделал для меня. Хоть что-то. Маленькое. Чтобы это было действие, а не слова.

И он купил. Это заняло у него пару минут. А мне принесло целый вечер.

Он просто переслал его мне. Без слов, без жеста — просто скинул в мессенджер. Но это было сделано. Для меня. Впервые за долгое время — сделано, а не сказано.

Я не знаю, что это значит. Может, ничего. Может, всё. Но я знаю одно: я пошла.

Спектакль был французский. Комедия. Про богатого старого парижанина, который решил жениться на молодой красавице. А в неё был влюблён его племянник — единственный наследник. Вот они и делили наследство. Делили воодушевлённо, с выдумкой, с азартом. Смешно, легко, искромётно. Спектакль держал зал в весёлом, подвешенном состоянии — так, что задумываться было некогда. Ты просто смеялся и следил за героями.

А за этим смехом — такое, что потом сидишь и думаешь. Он высмеивает всё, что мы носим в себе. Власть. Деньги. Любовь. И так это залезает под кожу, что начинаешь узнавать себя. Свои слова. Свои поступки. Свои игры.

Я сидела в зале и думала: а ведь это про меня. Про нас всех. Про то, как мы боремся за власть — маленькую, домашнюю, но всё равно власть. Про то, как деньги решают всё. Про то, что любовь должна подкрепляться действиями. Не словами — действиями.

А ещё там был герой, который ради своей возлюбленной готов был на всё. Играл три разные роли. Перевоплощался. Добивался. И побеждал — не силой, а умением быть тем, кого ждут.

Я смотрела и думала: вот она, любовь. Не про то, кто громче кричит. А про то, кто умеет услышать. Кто готов сыграть свою роль — но не фальшиво, а честно.

Актёры играли так, что зал замирал.

А потом объявили антракт.

И я очутилась одна. В зале, в кресле, с билетом в руке. Вокруг люди разговаривали, ходили, пили кофе — а я сидела и вдруг задумалась.

Пять лет назад я даже не предполагала, что буду здесь.

Пять лет назад я жила в маленькой деревне. Со средней и младшей дочками. И с мужем. Старшая училась в девятом классе и жила в другом городе, у бабушки. Это было тяжёлое решение. Но мы пришли к нему вдвоём с ней. В городе образование лучше. Мы уже тогда нацеливались на поступление. Я думала о её будущем, а не о своём.

Муж у меня был хороший. Занимал высокий пост. Уважаемый человек. Всё у нас было — дом, достаток, семья. Но было у него одно качество, которое перечёркивало всё остальное. Он пил. Редко. Но запойно. И сам остановиться не мог.

Сначала я думала: справимся. Все пьют, и ничего. Но потом он стал проигрывать деньги. Много. Так много, что нам начали угрожать. Не ему — мне. Я осталась крайней. И нам пришлось бежать из того места. С детьми, с вещами, в никуда.

А он в это время где-то бухал. Занимал деньги у кого-то. А спрашивали с меня. С меня, которая ни сном ни духом.

И так — из года в год. Я искала его. Находила. Вытаскивала. Возвращала к работе. А потом всё повторялось снова. Я снова искала. Снова вытаскивала.

Тяжело было не от детей. Не от домашней суеты. Не от одиночества. Тяжело было от того, что самый близкий и любимый человек меня предал. Снова и снова. Каждый раз, когда уходил в запой. Каждый раз, когда я оставалась одна со всем этим.

Когда ты делаешь это годами и не получаешь в ответ даже элементарного доверия — опускаются руки. Просто опускаются. И ты стоишь. И не знаешь, куда идти.

А точкой стала измена.

Как-то я приехала домой. Подошла к дому — и вижу: из дверей выбегает женщина. Я зашла. Постель измята.

Вот в тот момент я почувствовала, как сердце разбивается. И пустоту. Просто пустоту. Внутри — ничего. Ни боли, ни злости. Только пустота. Это было страшное чувство. Страшнее боли.

Я не сдалась. Но что-то во мне тогда умерло. Навсегда.

А теперь я сижу в театре. Одна. В красивом зале. И никто не дёргает меня за рукав, никто не просит есть, никто не плачет. Просто я. И это моё. Только моё.

Пять лет. Целая жизнь. И я её прошла.

Я сидела в зале и вдруг поняла, что это не просто вечер. Это две мои победы.

Первая — я запланировала время для себя.

Звучит просто, правда? Взяла и запланировала. Но для меня это не просто. Я не умею делать что-то для себя. Всю жизнь — для детей, для мужа, для работы, для кого угодно. А для себя — потом. Когда-нибудь. Если останется время. А оно не остаётся. Оно уходит на других. Всегда.

А тут я взяла и освободила этот вечер. Заранее. Для себя. И никому не отдала. Это была моя маленькая революция. Тихая, незаметная для всех — но для меня огромная.

Вторая победа — я попросила.

Для меня попросить что-то у кого-то — почти невозможно. Мне всегда легче самой. Сама куплю, сама достану, сама решу. Просить — значит быть должной. Значит показать, что я не справляюсь. А я не умею показывать, что не справляюсь. Я умею держать спину.

Но в этот раз я попросила. И это было трудно. Очень. Я сто раз передумала, пока писала. Сто раз хотела удалить сообщение. Но не удалила. Отправила.

И он купил.

Может, это ничего не значит. Но для меня это было важно. Потому что я попросила — и меня услышали. Потому что я позволила себе попросить.

Оказывается, этому тоже надо учиться. Просить. Не всё тянуть на себе. Позволять другим что-то сделать для тебя.

Я сидела в зале, звучала музыка — а я думала о том, что сегодня я сделала два шага. Маленьких, но своих. И никто их не заметил. Кроме меня.

И вот только сегодня, в антракте, я поняла: я учусь жить для себя.

Я стала ставить себя на первое место. Изредка. Не всегда. Но получается. Маленькими шагами, по чуть-чуть.

Это победа. Победа над собой. Над той, кто привыкла всё отдавать. Над той, кто не умела просить.

Та сломленная женщина начинает просыпаться. Расцветать. Учиться жить заново. Ей тяжело. Мне тяжело. Иногда хочется всё бросить и вернуться в старое — туда, где привычно, где не надо ничего менять, где ты просто тянешь свою лямку и не задумываешься.

Но я не возвращаюсь. Я стараюсь.

И я не буду больше откладывать себя на потом.

Прозвенел звонок. Второй акт.

Я смотрела — и уже не анализировала, не искала скрытые смыслы. Просто смотрела. Смеялась. Отдыхала. Как все. Как человек, у которого есть право на вечер.

А когда спектакль закончился и зал взорвался аплодисментами — я хлопала громче всех. Про себя. Потому что было за что. И потому что это было моё. Этот вечер. Этот зал. Эти аплодисменты. Мои.

Я вышла на улицу. Было темно. Горели фонари. Шёл лёгкий дождь. Я стояла и думала: этот вечер был мой. Только мой.

Я провела его сама с собой. Не для кого-то. Для себя.

Я никуда не спешила. Не звонила. Не писала. Просто шла домой и улыбалась. Потому что сегодня я сделала шаг. Маленький, но свой.

И знаешь, что я поняла? Мне не нужен тот, кто просто говорит красивые слова. Мне нужен тот, кто готов действовать. Пусть даже пару минут. Пусть даже просто скинуть билет в мессенджер. Но чтобы это было сделано. Для меня.

Я не хочу быть удобной. Я хочу быть любимой. И я хочу, чтобы это подкреплялось действиями.

Этот вечер был мой. И я его запомню.

Глава 9

Вчера был тяжёлый день.

Мне рассказали учителя. На четвёртом уроке, на русском, один мальчик начал подшучивать над одноклассником. К нему присоединились ещё несколько. А затем — почти весь класс. Они кричали. Топали ногами. Поддерживали. Весь класс против одного.

Слушала — и не знала, что делать. Растерялась. В такие минуты не понимаешь, что хуже: то, что они сделали, или то, что не знаешь, как это остановить.

А потом пришли воспоминания. Собственные школьные годы.

Паинькой я не была. Нет. Тоже не слушалась. У нас была учительница — мы её не воспринимали. Вели себя на уроках неподобающе. Играли в карты. Шумели. Разговаривали. Не слышали её. Не понимали, что так нельзя. Что это неуважительно. Что за этим — человек.

Тогда казалось: ну и что? Подумаешь. Весело же. Молодые, глупые. Мы не думали, что делаем кому-то больно.

А теперь я сама стою на месте учителя. И понимаю: завоевать внимание слушателя — это колоссальный труд. Это не просто «встал и рассказал». Это работа. Каждый день. Психологическая отдача. Ты отдаёшь себя — и не знаешь, вернётся ли что-то обратно.

Смотрю на этих детей — и вижу себя. Они не знают, что творят. Для них это игра. Они не видят, что за их смехом — чей-то страх. Что за их топотом — чья-то боль. Что за их «шуткой» — человек, который идёт домой и не знает, как пережить этот день.

И это страшно. Не потому что они злые. А потому что не осознают.

В тот же день собрала класс.

Поставила зачинщиков перед всеми. Сказала: сейчас вы меня выслушаете. И не перебивайте.

И говорила. Много. Чуть не плакала — потому что всё, что касается детей, всё, что касается детской боли, — это моё. Рассказала им, как вижу эту ситуацию. Про травлю. Про то, к чему это может привести. И про то, о чём обычно молчат: что от такого иногда умирают.

А потом отпустила их домой. Но не просто так. Попросила: идите и подумайте. И на секунду представьте себя на его месте.

Они ушли.

А сегодня — полкласса не пришло. А вчера после уроков, после беседы, они собрались драться.

Сию и думаю: значит, не получилось. Не достучалась.

И тут пришло понимание: одной не справиться.

Не могу спасти всех. Не могу достучаться до каждой души. И не обязана нести это на себе. Одной — не по силам.

И попросила помощи.

У того самого человека. Который купил билет.

Он психолог по образованию — правда, в профессии не работает. И он отец. У него есть сын. Подумала: он знает, как говорить с мальчиками. Он может подсказать.

И написала. Это было трудно — снова просить, снова открываться. Но попросила.

И он не отказал.

Он рассказал, как вести беседу. Подсказал: не давить. Выслушать. Задать вопрос — почему? И попросить подумать. Поставить себя на место того, кого обидели.

Так и сделала.

Сегодня в школу пришло меньше половины класса. Но тот мальчик — которого хотела услышать, — был. И мы с ним говорили. Целый урок.

Больше слушала. Задавала вопросы. Немного рассказывала о себе. Приводила примеры. Потому что человек, который вырос в девяностые, пережил всё это — и тяготы, и разборки. И было что рассказать.

Спрашивала. Интересовалась. И узнала много нового. Того, чего не знала. О нём. О классе. О том, что происходит у них внутри.

И была благодарна. Ему — тому, кто не отказался. Который помогает уже второй раз. Первый — билет. Второй — вот это. Совет. Поддержка. Внимание.

А я учусь. Потихоньку. Спрашивать. Просить. Не всё тянуть одной.

Оказывается, это тоже можно — просить помощи. И мир не рушится. И люди не отворачиваются. Иногда — наоборот. Иногда именно в этот момент кто-то протягивает руку.

Не знаю, что будет дальше. Наверное, будет трудно. Наверное, не раз ещё придётся собирать класс, говорить, объяснять, слушать. Может, не с первого раза. Может, не со второго.

Но не отвернусь. И теперь знаю: я не одна.

Об этом надо говорить. С детьми. С родителями. С собой. Потому что молчание — это тоже поддержка. Только не того, кого надо поддержать.